

ПАМЯТЬ

Борьба за жизнь

— Алла Григорьевна, что вас держало в Нью-Йорке так долго?

— Я не эмигрировала. Никогда не хотела там остаться. Так сложилась судьба — мне надо было спасти свою жизнь. Я очень тяжело заболела.

— Это случилось после смерти Юрия Марковича?

— Началось при его жизни, но я не обращала на это внимания: поболит и перестанет. После смерти Юрия я сразу пошла работать. На Пушкинской сделала антикварную галерею. Предельная занятость отодвигала беспокойство о здоровье. Болела правая щека. Наша медицина не смогла распознать характер заболевания, а когда диагноз все-таки установили, врачи не знали, как лечить. Оказывается, эта болезнь лечится элементарно — антибиотиками. А наши врачи мне их запретили, сделали операцию, разнесли инфекцию. Поехала за спасением в Нью-Йорк.

— Там пришли в ужас от того, что с вами сотворили наши эскулапы?

— Ужаснулись. Стали лечить — и вновь я испытала потрясение, увидев, что сделали со мной и американцы. Последний мой врач, который взялся за меня со всей профессиональной ответственностью, сказал: "Вас неправильно лечили — и здесь, и там". Слава Богу, я справилась. Я поняла: человек имеет огромные запасы прочности, и об этом он даже не подозревает. За эти годы мне пришлось провести под наркозом 39 часов. 30 килограммов сильнейшего антибиотика я ввела себе в кровь. 62 барокамеры, 9 операций по введению катетера в сердце.

Я была совершенно измучена. Одна на чужбине. Не знаю, что делать. Мучила тревога — что там в Москве с моими домами? Я же душу свою вложил в интерьеры этих домов, хотя во мне совсем нет никакого везицизма. Я не привязывала себя к вещам. Могла бы их подарить. И дарила. Уезжая в Америку, я вышла в джинсах, в свитере, в шубе и с маленьким чемоданом. Оставила все. Каждый год я собиралась уехать из Нью-Йорка. Решала: вот только сделаю пластику и уеду. Но беда не отступила, все возвращалось на круг.

— В этом состоянии вы, вероятно, находили параллели с состоянием Юрия?

— У Юрия после двух контузий на войне была клаустрофобия — боязнь замкнутого пространства. У меня тоже возникло похожее ощущение. Мне казалось, что я не могу вырваться с этой земли, из этой Америки! Я не обзаводилась там бытом. Чемодан, два матраса, стол, который привезла мне приятельница с дачи, пара тарелок.

Женщины Нагибина

Всех своих жен Юрий Маркович любил. Первая — Маша Асмус, дочка профессора Литературного института. За ней всегда тянулась стайка поклонников. Отодвинуть всех и победить удалось Нагибину. Потом была юная гимнастка Ада Паратова, с которой и после разрыва он не переставал по-дружески общаться. Полна приключений семейная жизнь Юрия с дочерью директора ЗИЛА Валей Лихачевой. Четвертой женой стала Лена Черноусова. Была женой Нагибина и великодушная, фантастическая Белла Ахмадулина. Бог любви долго кружил нашего героя, пока не свел его с Аллой.

— Где вы познакомились с Нагибиным?

— У моего друга, сценариста Саши Шлепенова, на Масленицу. Юра был с Беллой. Я вошла с мужем и увидела очень красивого человека, холерного, прекрасного одетого, какого-то надмирного. Случайной была наша встреча или судьба нас свела? Юра много раз влюблялся и женился. Он же плейбой нашего времени!

— На фото он похож на Алёну Делона.

— Мне об этом говорили.

— Он действительно был барин, аристократ?

— Да. Это в нем от матери. Сказалась дворянская кровь.

— Вас мучила ревность?

— Я не вправе судить отношения Юрия с другими женщинами, особенно с Беллой. Я вышла замуж за человека с прошлым. И приняла его вместе с миром его страстей. Каждая женщина — это часть его жизни. Он любил — его любили. Что было, то было. У нас дома бывали дети его бывших жен. Жили в этом доме. Я принимала их как близких, как родственников. Белла — совершенно гениальный человек, прекрасная поэтесса. Отношения Юрия и Беллы касались только их двоих. В дневнике Юра написал об их любви замечательные строки. В Америке в "Русском слове" я напечатала этот кусок из его дневника. Это, может быть, одна из лучших страниц прозы о любви в русской литературе. Бесконечно и с восторгом перечитываю эти строки о великом счастье любить. Двое красивых, талантливых, гордых встретились и полюбили — это же чудо. Я всегда уважала искренние чувства двоих.

— Юрий знакомил вас со своими бывшими женами?

— Знакомил. Мы становились практически подругами.

— И с Адой Паратовой?

— И она, и ее муж Дима Маратов часто жили в нашем доме. Я принимала всех с чистой душой. Добрые отношения у нас были с Леной Черноусовой и ее сыном Сашей. Когда она умирала, я взяла Сашу с его женой и дочкой к нам на да-

чу... Но вот уехала я в Америку и, конечно, многих растеряла. Сейчас восстанавливаю дом, и пока нет времени собирать камни.

— Вы сильная. Все будет хорошо.

— Надеюсь. Появляется во мне энергия такая, какая у меня была, когда я за Юру замуж вышла.

— Юрий Маркович был пленником красоты. Увидев вас, он, вероятно, был потрясен.

— Вы знаете, я никогда особенно красивой не была. Каким-то своим звериным чувством Юра меня вычислил. В принципе он на мне не должен был жениться — не звезда, не знаменитость, не дочь влиятельного отца. Обычная замужняя женщина. Когда он пришел к нам в дом, познакомился с мамой, сестрой, он, может быть, почувствовал в нас какую-то ленинградскую подлинность. И решил, что на этом отрезке жизни ему нужна была именно я. Не сразу я согласилась переехать в Москву. Два года тянула и не выезжала. Была жива моя мама, и к тому же я очень любила город. Там мои друзья, близкие. Они подначивали: "Да он сейчас уедет на охоту и про все забудет. У него романы — один за другим!" Серьезных намерений себе я не позволяла. Ну влюблен и влюблен.

— Но тем не менее с мужем расстались?

— Нет, рассталась не сразу. И тогда Юра смутил меня своим решением — он переедет в Ленинград, раз я такая упорная. Все решила моя мама. В то время на "Ленфильме" снималась картина по его сценарию. Мама и говорит мне: "Приведи своего жениха в дом — надо познакомиться". К нам пришла вся съемочная группа с корзинами, полными еды, шампанского и цветов... Мама с Юрой проговорили всю ночь на кухне. Он расспрашивал, какой я была в детстве. И вдруг спросил маму: "Почему вы ее не крестили?"

— Нагибин был крещеным?

— Он и меня крестил... Утром мама мне сказала слова, которые изменили мою жизнь: "Он очень хороший человек".

— Мамы все хорошо чувствуют.

— И это подтвердила жизнь.

"Алиса, включи голову"

С Аллой Григорьевной, подобно Ною, построил прочный семейный ковчег, который выдержал всякие бури и лирические качки. Лучшие свои вещи он написал именно в эти годы.

— Когда в Нью-Йорке мне было очень плохо, всерьез не хотелось жить. Любая болезнь тяжела. Но когда женщине уродуют лицо, то это еще страшнее...

Но я внушала себе: да какое же я имею право на отчаяние? Я родилась на свет, встретила такого славного человека. Как-то он мне сказал: "Ни настоящее богатство, ни всемирное признание я бы не променял на годы, прожитые с тобой". В Нью-Йорке я очень много перечитывала. Я не успела в Москве прочесть один его сценарий, который он переделал перед смертью. И вдруг в Нью-Йорке открываю эту повесть о композиторе, жену которого убили, и читаю страницы о героине Кате. В ее привычках и взглядах я сразу узнала себя. Мы могли говорить с ним обо всем: о выставках, о романах, о стихах, о любых событиях в мире. Его интересовали даже сплетни. Иногда в час ночи у него возникала потребность душевного общения. А я, отработав часов 14, уже падала от усталости. Дом наш был открыт, словно гостиница. У нас всегда кто-то жил, кто-то приезжал, и я должна была всех поить-кормить.

— Денег-то хватало на все и всех?

— Вот туда они и уходили. Все считали, что у нас миллионы. Мы на самом деле все проживали. Оба не были накопителями. Любили и ценили хорошее качество жизни... К вечеру в таком круговороте я была полудухлая. А ему хотелось говорить о Прусте, Джойсе, о Микеланджело, Джотто. Иногда у меня не хватало физических сил, и Юра мог мне сказать: "Алиса, включи голову". Букву "л" он, картавый, не выговаривал. Но "Алису" произносил безупречно. Моя голова "включалась" ненадолго. И тогда он мне выговаривал: "Ты равнодушна ко всем". А в другое время он, наоборот, высказывал удивление: "Почему ты все знаешь?" Мне было очень приятно, что он ценил и уважал все, что я делала. Когда я построила новый дом — без архитектора, объяснив свой замысел на коробках, какие линии и объемы я хочу, Юра удивился. Всмотрелся во все детали и обронил: "Заял твой талант".

Будущее в мрачном свете

— Как случилось, что у Нагибина ни от кого не было детей? Это угнетало его?

— Нет. Во всяком случае, я могла иметь от него детей. Но это случилось после вторжения советских войск в Чехословакию. И он мне сказал: "В этой стране я не хочу иметь детей". Он очень серьезно относился к продолжению рода. В этой стране он не видел будущего для детей.

— Какие книги Нагибина вам больше по душе?

— Он был грандиозным писателем. Это по-

Алла НАГИБИНА:

"Юра был настоящий мужчина"

Десять лет душа Юрия Марковича пребывает в иных мирах, а легенды о его любовных историях, женитьбах не дают покоя завистникам, вот и смакуют пикантные вольности, которые он якобы себе позволял. Один автор на правах друга прицепил Ю.М. ярлычок "господин Синяя Борода". Почему бы не предположить, что Нагибин просто следовал обезоруживающему доводу: если любишь — женись? С последней женой Аллой Григорьевной в браке он прожил 26 лет. Вдова не доверяет журналистам, но обозревателя "МК" она приняла у себя дома. Семь лет она провела в Нью-Йорке, находясь между жизнью и смертью. Недавно вернулась в свой полузаброшенный дом в Красной Пахре.

НАШЕГО ВРЕМЕНИ

наля, перечитывая его вещи 10 лет спустя. Читала не как мужа. Читала так, как читают хорошую литературу. Какие-то вещи мне менее нравятся. Не может быть все одинаково. Сейчас вышла книга Нагибина в серии "Классика XX века", роскошно изданная ОЛМА-пресс. Там его последние вещи "Тыма в конце тоннеля", "Моя золотая теща", "Остров любви"... Замечательное предисловие написал Константин Кедров. Я увидела эту книгу в Америке перед отъездом. Хозяин магазина показал мне ее, и я пережила один из самых сильных моментов своей жизни. Таких своих книг Юра при жизни не видел. И таких слов о себе он тоже не читал. Очень лично и точно написал Кедров.

— Кедров не просто поэту, он еще и философ, в прошлом году был номинантом на Нобелевскую премию. Алла Григорьевна, совре-

менений с его стороны даже не предполагала. Он, правда, был человек очень эмоциональный и сексуальный.

— Из кастрата писатель не получится.

— Его поступки были непредсказуемы. Порывы переполняли его. Он не был блестящим кавалером. Он человек искреннего порыва. Настоящий мужчина: и любовник, и работника, и охотник.

— Вы были хорошей женой?

— Была неплохой женой, но плохой вдовой. Я ничего не могла сделать для его памяти — болезнью не позволила.

— Еще сделаете. Вы мужественный и верный человек.

— Я ведь был блокадным ребенком. У нас с Юрой разница в 15 лет.

Алла Григорьевна изящна, даже худа. Сразу видно, что человек всегда держал себя в узде.

— Считаю, человек должен выглядеть достойно. Насколько это возможно, чтобы не казаться молодой старухой.

— Муж позволял себе капризы?

— Он был невероятно дисциплинирован. Работал у себя в кабинете, на втором этаже. Вставал в 7, делал зарядку, в 8 спускался вниз, и на столе должен был стоять завтрак: геркулесовая каша на воде, три абрикосины, два расколотых грецких ореха и чашка кофе. Если это было готово в четверть девятого, он рвал и метал. Если обед запаздывал, и того хуже.

— В литературной среде Нагибин слыл удачливым, благополучным писателем...

— У этого удачливости в 43 года случился первый инфаркт. После фильма "Председатель". Когда его запретили, Союз писателей устроил Нагибину судилище. Юра тяжело воспринял эти несправедливые нападки.

— "Председатель" имел потрясающий успех у публики.

— Это уже потом. Михаил Ульянов, замечательный актер, близкий наш друг, получил Ленинскую премию за главную роль. А Нагибин — инфаркт. Сосуды у него были плохие. В 81-м году случился еще один инфаркт. Юра очень любил вкусную еду. Если мы уезжали за рубеж, а денег у нас было мало, он все-таки шел в ресторан, будь то Япония, Франция или Италия.

— В советские времена менялся очень мало денег. Как же вы обходились?

— С деньгами просто смея. Юру издавали за рубежом. Когда уезжал за границу, ему позволяли брать не более 500 долларов. И для этого надо было идти в Министерство финансов. Под лестницей там сидел клерк. Он принимал от него заявление, в котором объяснялось, что Нагибину для приобретения книг по искусству и материалов для работы требуется 500 долларов. А на счету могли лежать 10, а то и 15 тысяч долларов. Но взять их он не мог. Ездили мы на гроши. Но Юра скоро стал зарабатывать за границей. В Америке читал лекции в 25 университетах. Последние годы мы жили в Италии.

— Его там издавали?

— У Нагибина была повесть об отце "Встань и иди". Более 30 лет она пролежала зарытой в саду. В 87-м году он уехал в Италию, и я вытащила второй ее экземпляр из дальнего ящика стола и отнесла в "Юность". Главный редактор Андрей Дементьев был в отъезде. Я понимала, что играю с огнем. Юра мне говорил однажды: "Моя жизнь будет прохита нормально, если я напечатая эту повесть. Тогда я выполню свое предназначение". Я знала, если будет напечатана повесть, он станет самым счастливым человеком на свете. Приехал он из Италии. Я во всем призналась. В начале ноября позвонил приехавший Дементьев: "Мы не против повести, но сейчас праздники, а вещь совсем не праздничная. Надо бы ее отодвинуть". На что Нагибин ему ответил: "Я-то думал, что у нас революция без перерыва на праздники. Если ты ее переставишь, я ее забирала". И она вышла!

— Молодец Дементьев!

— Это был эффект разорвавшейся бомбы. Гладили из Парижа писал ему, Василий Аксенов отозвался. Нагибин слыл удачливым любимцем женщин, он первый купил дом, имел собственное садовника. Не положено жить так широко советскому человеку. И вдруг он написал такую трагичную повесть об отце. Никто не знал, что он ездил в тюрьму к первому отцу, Марку Яковлевичу Левенталю, которого тогда считал своим родным отцом. Марк Яковлевич сидел с 27-го года и умер на поселении. Мама Юрия Ксения Алексеевна так и не вышла замуж. В 30-м году сошлась с Яковом Семеновичем Рыкачевым, писателем. И даже жили они в отдельных квартирах. В 37-м и Якова Семеновича тоже посадили. Юра с мамой носили передачи в две тюрьмы. Ксения Алексеевна не могла ничего делать, она ведь из дворянской семьи, совсем не приспособлена к быту, однако научилась печатать двумя пальцами на машинке, и это помогало им выжить.

— А когда Юрий узнал, что его родной отец Кирилл Нагибин, еще будучи студентом, был расстрелян за участие в Антоновском митинге?

— Кирилл, зная, что ему не выжить, предложил Ксении лучший вариант — выйти замуж за Левентала. Ксения вышла за Марка, будучи беременной. Кирилл Нагибин расстреляли в 20-м, в год рождения Юрия. Когда мальчик стал школьником, она призналась, что его отец не Марк, а Кирилл. В память о Марке Яковлевиче мать просила Юрия оставить отчество "Маркович". Последний раз, когда Юрий приехал в лагерь, он увидел Марка Яковлевича, маленького, жалкого, замученно-

го. И вдруг Юрий почувствовал себя отцом этого обесилленного, несчастного человека.

— Какое потрясающее преображение!

— Когда мы с Юрием приехали в Италию, там один молодой человек, женатый на русской, организовал издательство и признался, что очень хотел бы первым напечатать на итальянском языке повесть Нагибина об отце. Я отговаривала Юру от этой затеи, но оказалась неправа. Повесть вышла маленьким тиражом на итальянском, ее прочли. И вдруг звонок из крупнейшего издательства "Риццолли". Главный редактор этого издательства пригласил нас в ресторан. Приходим. Встречает нас импозантный мужчина и вдруг, преклонив колено, целует ему руку... "Риццолли" выпустило эту повесть. По всей Италии была организована роскошная рекламная акция — с тележурналистами и газетчиками, с выступлением Юрия. Был 89-й год.

В Венеции ему дали "Золотого Льва" за эту повесть. В Италии присудили еще и Серебряную пластину "Жизнь, отданная литературе". Италия Нагибина обладала. После этого Юру стали печатать очень много. Там он сделал книги по искусству. Например, большой альбом "Титанетто" с текстом Нагибина. И к Шагалу итальянцы давали текст Юрия на итальянском. Напечатали его рассказ "Тете" — на ручном станке XIV века. Итальянцы его полюбили несказанно. В Италии семья священна. Они испытали потрясение от того, что сын не предал своего отца.

Там ему предложили написать сценарий документального фильма о России в пяти частях. Он написал. Одну часть, "Воды России", делал известный немецкий режиссер Херцег. Он не хотел ехать в Россию, боялся ее. Но мы уговорили режиссера, пообещали, что у нас дома — вовсе не медвежий угол. Он согласился. И в результате получился фильм, удостоенный приза в Канне.

Но итальянские продюсеры позволили американским сопродюсерам вмешаться в фильм. И те выкинули Нагибина из сценаристов. Фильм уже поехал в Канн без имени сценариста. У нас был замечательный юрист-итальянец. Он знал Юру. После его смерти, будучи в Нью-Йорке, я отдала адвокату все бумаги со своим протестом. Честно говоря, про эту обидную и некрасивую историю я успела забыть. И вдруг мне сообщают о том, что мы выиграли судебный процесс. Имя сценариста восстановлено, а мне, его вдове, положена денежная компенсация.

Рассказ синего лягушонка

— Скажите, у Юрия Марковича было предчувствие конца? Он умер во сне, без страданий?

— Предчувствия возникали. Говорят, они есть у всех сердечников. Его кончину ускорила смерть собаки, эрдельтерьера Проши. У Юрия было много собак, и все эрдели. Я думаю, что хозяин выбирает собаку такую, какой он сам. Ему нравилось, что эрдели до старости активны, молодые, сумасшедшие. В феврале умер эрдель Проша. Я ночью вывезла его из дома, а утром сказала: "Проши нет". Юра заплакал... Он связывал свое самочувствие с жизнью этой собаки. Я предложила: "Давай возьмем другую собаку". — "У меня другой собаки не будет", — отрезал Юра.

Я все-таки поехала куда-то к черту на рога, взяла щеночка, привезла домой. Юра лежал. Я бросила эрделя ему в кровать. Он мне в ответ резко закричал: "Это предательство Проши!" — закрыла дверь, ушла. Потом прихожу — он держит щенка в руках, как хрустальную вазу, бережно и нежно. За 3 дня до смерти он сказал: "Когда я сдохну, ты все продай и уезжай отсюда".

Он умер 17 июня. А легко или тяжело, никто не знает. Я зашла к нему в 9 утра взять щенка. Юра пожаловался: "Он мне всю ночь спать не давал". — "Ну ты поспи". — сказала я ему. Кто-то позвонил, я спустилась вниз, поговорила по телефону... потом услышала крик, поднялась к нему — Юра не дышал... Не думаю, что он не почувствовал этой предсмертной боли. Легких смертей не бывает. Болеть он не умел. Даже говорить о болезнях не любил. Никогда не жаловался. И я очень надеялась на его генетическую силу. Зря надеялась...

Потом началась другая жизнь.

— Кто поставил Нагибину памятник на Новодевичьем?

— Я сама придумала скромный памятник. Из красного мрамора подстолье в старинном стиле с мягкими переходами овалов. На эту плоскость решила положить кипу белой бумаги из белого мрамора. Верхний угол немного откинут ветром. И на листе — его эскизы, Юрина роспись. Вокруг могилы сажаю ярко-красные бегонии. Они цветут до октября.

— Каким подарком мужа вы особенно дорожите?

— Самый дорогой для меня подарок — "Рассказ синего лягушонка". Там все обо мне...

Этот рассказ Нагибин написал как бы из безытия. В нем звучат самые искренние признания: "Я любил свою жену, с которой прожил последние 30 лет жизни — самых важных и лучших... Для тех, кто живет по злу, жизнь — предпритие, но для большинства людей она — состояние. И в нем главное — любовь. Эту любовь уносят с собой во все последующие превращения, бесконечно тоскуя об утраченных... Я все это знаю по себе: едва соприкоснувшись в новом своем обличье с предназначенной мне средой обитания, я смертельно затосковал об Алисе".

Наталья ДАРДЫКИНА.